

Вологодский ЛИТЕРАТОР

№ 6, декабрь 2014

Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

С Новым 2015 годом и Рождеством!

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Да будет же честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своём, почти без всякого чуждого примеса, течёт как гордая, величественная река – шумит, гремит – и вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса.

Н. М. Карамзин

Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово.

Н. В. Гоголь

Михаил ЛЕРМОНТОВ

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;

Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Тёмный дуб склонялся и шумел.

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

Виктор БАРАКОВ НЕЗНАЙКИ НА ЛУНЕ

...СТУДЕНТКИ первого курса экологического отделения слушали мою лекцию по риторике. Один из разделов был назван так: «Художественная литература как искусство слова». Для примера была взята «Анна Каренина». Я самозабвенно стал вещать о духовной катастрофе героини, о примитивном понимании Западом романного сюжета как обычного адюльтера, об оценке произведения самим Львом Толстым.

Минут через десять я почувствовал, что «экологини» смотрят на меня абсолютно пустыми глазами. Я осекся:

– А вы читали роман?

– Нет.

– Может быть, смотрели экранизации Александра Зархи или Сергея Соловьева?

– Нет, не видели...

Вероятно, экологи из них получатся, даже и неплохие, но вряд ли выдающиеся, способные решать творческие задачи. Их уровень – прагматизм, граничащий с дилетантизмом.

Как же так случилось, что из некогда самой читающей, думающей и изобретающей страны мы превратились в территорию незнаек?

Наверное, потому что мы очутились... на Луне.

Замечательная детская книга Николая Носова «Незнайка на Луне» оказалась пророческой: мы хотели взлететь в космос высшей справедливости и безграничного творчества, но народные депутаты в начале 90-х нажали не на ту кнопку, – точь-в-точь как Незнайка с Пончиком, – и мы прилетели на Луну, в мир обмана и наживы. Там нас поджидали Мига и Жулио, – Гайдар с Чубайсом, – они мигом сжульничали и

облапошили нас, словно лунных коротышек с акциями гигантских растений.

Миллионы «пончиков», начавших свое дело, разорились, не выдержав конкуренции с безжалостными корпорациями, еще несколько миллионов влезли в банковские долги, а большая часть попала на остров дураков. Согласно сюжету носовской книги, на этом острове, среди бесконечного веселья и безделья, коротышки незаметно для себя превращались в баранов, шерсть которых можно было спокойно стричь, не обращая внимания на бессмысленное бляение.

И стригут нас теперь олигархи, чиновники и ростовщики... регулярно. И живем мы на этом острове припеваючи: смотрим резиновые сериалы и политические шоу; развлекаемся дома, развлекаемся на работе, которую выполняем кое-как; учимся тоже лениво, пополняя ряды экологов-психологов и юристов-экономистов.

Напомнить, какие у нас экология, психология, юриспруденция и, наконец, экономика?..

Мы теперь – страна дилетантов. На выставке ЭКСПО-2010 в Шанхае в качестве символа российского павильона был выбран Незнайка. Вот такая оговорка по Фрейду...

Наша внутренняя политика, переполненная патриотической риторикой, на самом деле за 20 лет не поменялась ни на йоту.

Никуда не исчезла коррупция, которую во всем мире уничтожают конфискацией имущества, но только не у нас.

Так и не введен прогрессивный налог, о необходимости которого твердит даже Православная Церковь. (<http://www.pravoslavie.ru/news/21766.htm>).

О бедности работающих, о несправедливых тарифах, о засекреченных зарплатах начальников написано столько статей, что рябит в глазах, но «верхи» будто язык проглотили, – молчат, как партизаны.

«Национальное достояние» государство хранит в чужих ценных бумагах, спонсируя американского «дядюшку» так аккуратно, что возникает мысль: а не очередная ли это дань, которую мы платим по неведомым соглашениям?

«Дядя Сэм» называет нас «врагом номер один», окружает кольцом военных баз и системой ПРО, – а мы, трубя на весь мир о его вероломстве, продолжаем исправно отдавать народные деньги американским банкирам.

А еще мы за эти годы вступили в ВТО, ГМО и ЕГЭ – тоже, вероятно, с подачи «заклятого друга»?

Экономика лежит на боку, большинство областей и краев – банкроты, за исключением, конечно, Чечни, которой «сам Аллах помогает». Станкостроение уничтожено полностью, легкая промышленность – тоже, авиастроение дышит на ладан, фармацевтики почти нет, сельское хозяйство прокормить нас не может, здравоохранение хиреет, образование деградирует, телевидение погрязло в пошлости и рекламе. Тут и западных санкций не надо – загнемся сами. Но на встрече с господином Медведевым наш президент деятельность правительства... одобряет!

Чуть ли не два года наши политические комментаторы предрекали отставку премьера, которого в народе даже не презирают, а относятся к нему, как к убогому – и что?..

Сколько сломано перьев по национальному вопросу, нерегулируемой миграции и порочной практике «умиротворения» диаспор – а наш лидер подписывает закон об упрощении получения гражданства, – не русскими, как в первоначальном варианте, а «носителями русского языка»!

Специалисты в ужасе – через 30 лет половина населения станет мусульманами! Но ведь

политика замещения коренного населения мигрантами никуда не делась, так что все логично...

«Национальный лидер» горестно сетует, что в Крыму разрушена санаторная база, приказывает ее восстановить – правительство в ответ решает устроить на южном берегу Крыма... игорную зону.

Путин торжественно убеждает писателей, что сочинение вернется в школу – Ливанов делает его «довеском» к ЕГЭ.

О вреде ЕГЭ, о недопустимости сокращения школьных и вузовских часов русского языка и литературы уже несколько лет подряд говорят и теоретики, и специалисты-практики, но воз и ныне там – в ВУЗы продолжают поступать недоучки.

Что говорить о языке, если абитуриенты, штурмующие физмат, не умеют складывать дроби!

По истории знания – почти нулевые, такое впечатление, что ее не было в школе вообще. Я спросил однажды студентов, в каком году умер Сталин – так мне вручили целый букет дат: в 1938-м, в 1956-м, в 1962-м и в 1979-м (!). Правильного ответа не знал никто!

Мне, стыдно сказать, зачастую вместо лекций по литературе приходится «проходить» школьную (советскую) программу по истории, потому как история литературы рассыпается в прах – опереться не на что.

Министерство образования (в академических кругах его давно называют «минобразинной») создано как будто исключительно для того, чтобы «вредить всегда, вредить везде...» Один министр «прославился», заявив, что нам не нужны творцы, а только потребители, другой – развалом Академии наук! При этом «бумажки», которыми нас заваливают министерские канцелярские крысы, ни дня не проработавшие ни в школе, ни в ВУЗе, отличаются крайней безграмотностью. Несколько лет назад нам сверху спустили так называемый «стандарт» по русской литературе, где стихотворение А. Блока «Выхожу я в темные храмы...» превратилось в «Выхожу я в темные храмы...» (наверное, коленками назад?), а в современной лирике появился

доселе неведомый поэт Я. Рубцов!..

Ладно бы, министерские «креативщики» просто слизывали с американского английского серлы вроде загадочных «компетенций», заставляя нас по нескольку раз в год в угоду их капризам переделывать собственные программы (подавитесь!), так они еще нагло лгут президенту, завышая цифры средних зарплат учителей и вузовских преподавателей. Зарплата, например, ассистента ВУЗа просто ничтожна – на еду не хватает!

Думаете, мы не писали, не трубили, не били в колокола? – И писали, и трубили, и били! «А кто вы такие?» – был ответ.

В медицине, кстати, та же беда: им из-за девятого вала бумаг и приработок некогда лечить; нам – учить...

Если кто-то до сих пор думает, что это просто «ошибки», то он-то как раз и ошибается – на самом деле и экономика, и образование, и здравоохранение, и культура, и село – все уничтожается по заранее утвержденному плану. Как плевала «пятая колонна» на указания президента, так продолжает плевать и сейчас, в эпоху «патриотического ренессанса».

В школе, например, я не смог открыть в интернете сайты газеты «Завтра» (и, соответственно, литературного приложения «День»), журнала «Наш современник» и газеты «Российский писатель». «Контент запрещен!» – вешал компьютерный монитор, намекая, вероятно, что фильтр не пропускает их из-за излишней «патриотичности» (ау, Проханов!), зато «Эхо Москвы» после набора появилось во всей своей антипутинской и русофобской «красоте»!

В 2012 году я написал статью о прозе Николая Дорошенко. В «Российский писатель», где Николай Иванович служит главным редактором, по понятным соображениям, отправлять ее не стал, предложил другим изданиям, и везде получил отказ – из-за заголовка. Называлась статья так: «Предчувствие Гражданской войны». Редакторам сия мысль показалась кощунственной и нереальной.

• Окончание на 2-й стр.

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

• Окончание. Начало на 1-й стр.

Спустя два года началась Гражданская война на исконно русской земле, в Новороссии, и теперь никто не может исключить ее продолжения в том же Крыму или на Кавказе. То, что эта война имеет этнический оттенок — не новость, почти сто лет назад на руинах Российской империи происходило то же самое. Нынешние советские развалины еще долго будут рушиться, погребая под собой границы, территории и народы.

Опираясь я, делая тогда прогноз, не на интуицию, экономический или политический анализ, а исключительно на художественную прозу и поэзию — все-таки по своей основной специальности я критик.

И русская литература, и литературная критика во все времена, как бы кто ни возмущался, — это еще и идеология, и политика.

Впрочем, в России все — политика. Риску и сейчас предстать Кассандрой, следуя той же «метод»: революция в России неизбежна, ее предвещают многие современные поэты, от Николая Зиновьева до Марины Струковой.

Давайте, все-таки, рассуждать еще и логически.

Только ли экономические, политические, финансовые и конспирологические причины могут быть виной очередной катастрофы? Неужели исключительно их имели в виду Горький, Чехов и Блок, предсказывая революцию в образах бури, алмазного неба и весны? Неужели некие «технические» детали, наподобие того

Виктор БАРАКОВ

НЕЗНАЙКИ НА ЛУНЕ

же технологического уклада, определяют человеческую судьбу? А куда мы денем голос свыше?..

Думается, и тогда, сто лет назад, и ныне, движущей силой революции были не рабочий класс и не интеллигенция, как сейчас считают многие, а вопиющая несправедливость. Не рутинная, свойственная обществу вообще, а именно вопиющая, взывающая к Небу.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский писал: «Земное отечество страдает за грехи царя и народа...» (http://istina.ucoz.ru/dnevnik_kronshtadtskogo.html).

Стоит ли говорить о том, что сейчас сложилась не менее революционная ситуация?

И не надо только приводить довод, что большинство обывателей не хотят революционных событий и не призывают их — в 1917 году 95 процентов населения даже не заметили поначалу, что «власть переменялась».

Во-первых, перевороты происходят обычно в столицах.

Во-вторых, революция — это стихийное бедствие, землетрясение, потоп, страсть, и она не станет спрашивать нашего с вами согласия.

В-третьих, враг рода человеческого, как показывает история, использует обывателей в своих целях с не меньшим успехом, чем пассионариев.

Мы слишком нагрелись, и вряд ли заслуживаем лучшей участи, хотя молитвами праведных и можем отдалить неизбежное.

Когда это произойдет? — Было бы сомнительным назвать 2017-й, подогнав дату «под век двадцатый», тем более что столетний юбилей Первой мировой уже приобрел зловещий оттенок.

Дело не в сроках, а в нас самих.

Человеческая история знает лишь один великий миг, когда на всей земле не было войн и революций — Рождество Христово.

Мир лежит во зле, но это не значит, что мы не сможем подняться к вершинам Духа.

Просто некоторые смертные грехи можно искупить только кровью.

Мало кто помнит, чем закончилось путешествие на Луну в книге Носова — а завершилось все, между прочим, восстанием и возвращением на Землю:

Незнайка сделал несколько неуверенных шагов, но тут же рухнул на колени и, упав лицом вниз, принялся целовать землю. Шля-

па слетела с его головы. Из глаз покатались слезы. И он прошептал:

— Земля моя, матушка! Никогда не забуду тебя!

Красное солнышко ласково пригревало его своими лучами, свежий ветерок шевелил его волосы, словно гладил его по головке. И Незнайке казалось, будто какое-то огромное-преогромное чувство переполняет его грудь. Он не знал, как называется это чувство, но знал, что оно хорошее и что лучше его на свете нет. Он прижимался грудью к земле, словно к родному, близкому существу, и чувствовал, как силы снова возвращаются к нему и болезнь его пропадает сама собой.

Мы обязательно вернемся на круги своя. Наш менталитет несовместим со стяжательством и культом личного успеха любой ценой. Православная закваска делает свое дело, и наш народ, достигнув дна и оттолкнувшись от него, вынырнет из капиталистической трясины.

«Только за границей,— говорил Есенин,— я понял все значение русской революции, спасшей мир от безнадежного мешанства».

В государстве, прожигающем советское наследство, главенствуют рвачи, бездельники и болтуны. В стране-новостройке первыми станут инженеры, ученые и прорабы.

А студентов мы научим.

Кстати, на лекции по риторике меня немного успокоило одно обстоятельство, прояснившееся чуть позже.

Студентки не знали, что такое... адюльтер.

НАШИ ГОСТИ

Дмитрий Александрович Чугунов живет в г. Воронеже. Профессор, преподает историю зарубежной литературы в Воронежском государственном университете.

Дм. ЧУГУНОВ ВОЛОГДА

Очерк

ВОЛОГДА, город мой, город — чудное настроение...

О любимых местах писать сложнее всего, потому что они не дробятся на площадки и часы, они живут единым образом и единой музыкой в твоей душе. И такой стала для меня Вологда.

Необычное и странное первое впечатление — дождь. Мелкие-мелкие капли его повисают туманом в воздухе. Я иду ранним утром от вокзала к автобусной остановке, потом еду в гостиницу, хожу по новым улицам, снова сажусь в автобус и в возвращаюсь в центр — влага небесная не прекращается. И зонт есть в руках, и даже подумываю раскрыть его над головой, но так и несущим сложенным. Смотрю на людей вокруг — на остановках, на ступенях магазинов, на тех, кто спешит на свою работу — и вижу, что никто из них не идет под зонтом.

Вологодский дождь — словно второе измерение мира, вторая реальность. Его видишь, но почти не ощущаешь. Чувствуешь капельки на лице (вот где, наверное, вспомнится — «поцелуй бабочки»), но волосы остаются сухими и полчаса спустя, и час...

Такой дождь жил в воздухе и когда я смотрел на тихую-тихую реку с колокольни Софийского собора в вологодском кремле, и когда в Спасо-Прилуцком монастыре подходил к могиле Константина Батюшкова, чтобы поклониться праху поэта.

Это был особенный дождь, не такой, как в других городах, дождь-настроение...

Константин Батюшков и Николай Рубцов, два имени, которые будут звучать во мне.

Дом Батюшкова. Светлый, двухэтажный, обшитый досками, с балконом-галереей на втором этаже, так и кажется, что сейчас из приоткрытых дверей выйдет сам поэт — поглядеть на гостя. Маленькая угловая комната — это его. Круглый стол с самоваром посередине, два зеркала... Его двадцать два года, проведенные здесь, — падение в бездну неизвестности, его судьба — предвосхищение и повторение судеб. Гёльдерлин — Батюшков — Ницше, талант и безумие...

А есть другой Батюшков. На берегу реки он о чём-то напряженно и стремительно думает. Рядом — конь под седлом,

склонив голову, щиплет траву. Вспоминаются пушкинские слова на полях одного из черновинов: «Звуки итальянские, что за чудотворец этот Батюшков!»

...Есть на улице Герцена в Вологде красно-бордовый дом, тоже — в два этажа, с восхитительными резными наличниками и чудесным крыльцом... Над крыльцом — небольшой балкон. Старинные дома вообще здесь невероятно хороши! Слово замершая на миг поэзия. В двух комнатах этого дома — рассказ о жизни Рубцова. И его стихи — повествование о любимом городе. «Печальная Вологда дремлет на тёмной печальной земле...» Или: «Я полюбил ненастный шум вечерний, огни в реке и Вологду во мгле...»

Среди всех строчек потрясают нестихотворные: «Похороните меня там, где похоронен Батюшков. Н. Рубцов». Завещание на обрывке жёлтой бумаги. Буквы велики и корявы...

И в чём-то его желание исполнено. Я иду по набережной, к домику Петра Первого. Небольшой скверик. Памятник, мимо которого невнимательный прохожий пролетит беззаботно. Человек на постаменте. Невысокого роста, худой, с шарфом на тонкой шее, с портфелем в руке. Правая рука спрятана под пальто, на сердце, скромно. Слово сдерживая ту страсть, что готова выплеснуться вместе с такими обычными словами. Простая надпись — «Рубцов».

«Россия, Русь! Храни себя, храни!..»

Батюшков и Рубцов. Река. Оба они — у одной реки. И оба — как реки. Просто Рубцов — это река уже почти зимняя.

Мир «забытых вещей», пересечение улиц Засодимского и Ленинградской. Читая эту вывеску, и сразу ассоциации: зонтики, сумки, забытые в автобусах, потерявшиеся попугаи и непочитанные книги с закладками. И кажется, что для бюро находок этот дом не вполне подходит. Кажется, что он излишне поэтичен.

Не может располагаться прозаическое учреждение в таком месте. Домик в три этажа за благоухающим зеленым палисадом... Милая тишина и уют, к которому хочется прикоснуться и замереть. «Забытые вещи» — это миры наших предков,

тех, кто ходил сто и двести лет назад по вологодским улицам, пил чай из самовара, организовывал любительские театры, читал классиков изящной литературы...

Когда-то давно девушки любили вышивать. И их пальцы, кажется, только вчера забыты на кушетке чем-то увлечённой хозяйкой. А на столике стоят фарфоровые куклы — забавы для детей. На старинном велосипеде кто-то катался, давно-давно... Чудесная «Сонечкина комната»!

Если опустить граммофонную иглу на старинную, тяжёлую пластинку, то услышишь музыку тех лет, классику. А можно просто завести музыкальную шкатулку...

И потом, среди картин, собранных из дворянских усадеб, даже повальсировать.

В этом музее живёт волшебный театр исторической моды. Один фотограф собирает вокруг себя обыкновенных девушек, и все вместе они выбирают какую-нибудь эпоху. И шьют платья, учат танцы, собирают и познают незнакомые предметы. Ридикюли, муфточки, боа, семейные альбомы... И затем появляются фотографии, с которых на тебя смотрят не девочки с плером-веером, а настоящие, милые барышни. Вот они готовятся слушать граммофон. А вот дети с бонной собираются на прогулку. Беззаботные лица, как у ангелочков, словно с открыток начала прошлого века. Кисея, башмачки, чулочки, зонты от солнца... Им нравится эта игра и это творчество. Они действительно делают настоящими.

Однако приходится прощаться. До свиданья, дом купца Пантелеева! Пусть и дальше времена сплетаются друг с другом...

В Спасо-Прилуцком монастыре, уподобившись суматошным туристам, бегаю по разрешённым местам, старательно ахаю от восторга, поднимаюсь на стены, чтобы получить изучить особенности фортификации... Суета сует. Бойницы верхового боя, подошвенного... Озерцо внутри, чтобы не взять измором — через жажду...

В двух десятках шагов от монастыря — река. Тихая, неторопливая. Случайно замечаю, как по луговой тропинке вдоль стен идут двое. Непохожие на других, выпавшие из суеты. Парень в тёмных брюках и клетчатой рубашке и девушка в

длинной юбке, с покрытой головой. Она доверчиво склонилась к нему, слушая, как он что-то рассказывает. Они идут вдвоём, и больше никто не нужен им: ни поляки, когда-то штурмовавшие эти стены, ни большевики, разорявшие обитель, ни мы, примчавшиеся сюда, чтобы спустя час или два так же стремительно умчаться в другое место...

И ещё одно радостное воспоминание от города. Здесь не ругаются на улицах площадной бранью... Когда я гуляю тёплым вечером по улицам, то наслаждаюсь удивительной чистотой происходящего. Благоухание воздуха в скверах, закатное солнце играет на стенах храмов, у кинотеатра толпится молодёжь. Время словно бы замерло в неспешной уютности. В памяти встаёт мозаика пролетевшего дня, в котором только теплота, покой, душевность, и — странное дело! — ты не испытываешь сожаления или грусти от его завершения. Он не исчезнет, он всегда будет с тобой.

АНТОЛОГИЯ
ВОЛОГДСКОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

МОЙ ГЕНИЙ

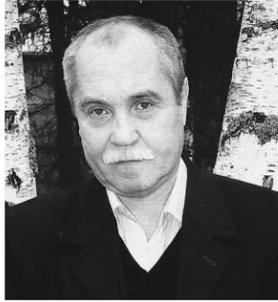
О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью твоей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный,
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он;
Засну ль? — прикиннет к изголовью
И усладит печальный сон.

Константин БАТЮШКОВ

ПОЭЗИЯ. XXI ВЕК

Василий МИШЕНЕВ

Будто льётся таинственный свет...

* * *

Утром легкий снег порошей
Засыпает сад и дом.
Надо думать о хорошем,
И не стоит – о плохом.

А печали и тревоги,
Пусть уйдут, как снег и дым.
Будь себе судьбою строгим
И добрее будь к другим.

Чтоб сомнение не закралось,
Что живешь на свете зря,
Отыщи для сердца радость
В каждом дне календаря.

Облака плывут по небу,
Липы в шубах напоказ,
Удивись деревьям, снегу,
Будто видишь в первый раз...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ночью снег полетел, я его не услышал,
Только утром, когда выходил за дровами,
Вдруг увидел пронзительно белые крыши
И деревья с упавшими с неба дарами.

Я смотрел, будто жизни открылось
начало,
А бывшее навеки укрыто под снегом,
Даже память моя, отболев, замолчала,
Первый снег примирил меня с жизнью
и веком.

Сколько встречено зим, а никак
не привыкну,
Словно выпавший снег никогда
не растает,
Я возьму и ушедшую молодость крикну,
И она прилетит снегириною стаей.

Прилетит, возле дома облепит калину,
Как живой костерок под сереющим
небом,
И тогда я избу ни за что не покину,
Буду стаю с ладони кормить теплым
хлебом.

НАД НОЧНОЮ ВОЛОГДОЙ

Над ночью Вологдой
Кружит легкий снег.
Я бреду по городу,
Дальний человек.

То, что было прожито,
Вспомнить всё нельзя.
В тихой милой Вологде
Спят мои друзья.

Кто-то в центре города,
Кто-то за мостом...
Кто-то в доме ласковым,
Кто-то под крестом!

Я иду к кому из них?
Где найду ночлег?
Все следы на улице
Засыпает снег!..

ПАДАЕТ СНЕГ

Послушайте – падает снег!
Взгляните – как всё изменилось!
И время замедлило бег,
С привычного ритма скатилось!

Как будто причудливый сон
Пленяет дома и деревья,
Вселяет спокойствие он
В тревожную душу деревни.

Снежинки летят с высоты,
Ложатся на шапку и плечи...
И что мне бывшие мечты?
От них не становится легче!

Но только не бросить вовек
Избы, пред которой в ответе...
Послушайте – падает снег!
А где же на улице дети?

* * *

Снег вокруг! – и света много!
Тишина звенит в ушах.
Позвала меня дорога,
Посреди ветров душа.

Только знаю: за пригорком
В поле есть одна изба...
Вот пахнуло дымом горьким,
Подожди меня, судьба!

Дай мне здесь остановиться!
Слышу я сквозь тишину –
По скрипучим половицам
Мать приблизилась к окну.

Ни калитки. Ни собаки.
Коромысло у ворот.
За воротами во мраке
Вот и мать ко мне идет!..

* * *

Зажигает ночь огни.
Рядом рыщут волки.
Звуки родины, они
Никогда не смолкнут:

Тот проехал на коне,
Тот пешком протопал,
И звенит чуть в тишине
На морозе тополь.

Тихо звякнула узда,
Лошади заржали,
И глядит на всё звезда
Из далёкой дали.

На дома, на санный путь,
И тревожит душу...
Неужели кто-нибудь
Этот мир разрушит?..

* * *

Мне сегодня и трудно, и грустно
От сознания потерянных лет,
Но в своей стороне захолустной
Я нечаянной встречей согрет!

В предвесеннюю вьюжную пору
На исходе студеного дня
Что-то милое сердцу и взору
Промелькнуло в окне у меня.

Стук раздался, и скрипнули двери,
Вы шагнули ко мне за порог,
Было трудно так сразу поверить,
Я смотрел, и поверить не мог!

Мне отраднее далёкое вспомнить
И услышать Ваш голос вблизи,
Будто в окна открытые комнат
Освежающий ветер сквозит.

Будто сам я другой и моложе,
Вместо снега – черёмухи цвет...
Что-то, видно, осталось мне всё же
От милых утраченных лет...

СОСНЫ

Брату Николаю

Старые сосны устало скрипели,
Ветер и вьюгу терпели, терпели.

Были они величаво печальны,
Будто для жертвы росли изначально.

Пели им песни весенние птицы,
Гордый глухарь, озорные синицы.

Красное солнце над миром вставало,
Первым лучом на верхушках играло.

Резал их вздымщик, надев рукавицы,
Сок добывал – золотую живицу.

Зимней порою сосну-верхолётку
Люди срубили и сделали лодку.

Рядом другую, что возле низины,
Мастер седой присмотрел на корзины.

Сосны смотрели на пни сиротливо,
Хвоей шумели, но шум был тоскливый.

Слышались в шуме прощальные вздохи,
Жалко мне сердцем тех сосен высоких.

Я иногда здесь бываю у сосен,
Чтоб ощутить нашу общую осень...

СНЕГОПАД

Не пугаюсь я тёмного неба,
Доверяю его тишине,
Если шорох летящего снега
Приближается сверху ко мне.

Всё вокруг замирает. Ни звука.
Лишь снежинки сквозь сумрак летят.
Рассосется сердечная мука,
Посветлеет задумчивый взгляд.

А родные поля забелели,
Будто льётся таинственный свет
От полей на ближайšie ели,
На дорогу, где путника нет.

Я люблю эти тихие дали,
Пусть в избе одиночество ждёт,
Но как можно поддаться печали,
Если снег так спокойно идет...

ПОЛЫНИ НА РЕКЕ

В леденящую мглу
Устремляется взор,
Белый лист на столе,
Авторучка в руке...
Молчаливо стоит
За окошком собор,
Лишь угрюмо шумят
Полыни на реке!

Помню – пела гармонь!
Как вздыхали басы!
То не я ли вчера
Весел был да удал!
А теперь – тишина,
Видно, встали часы,
А теперь – пустота,
Видно,
Друг запоздал!

Жутко в доме пустом
Одному в эту ночь,
Только ветер глухой
Бьётся в окна мои...
Отрешившись от дум,
Я заснуть бы не прочь,
Но как будто меня
Всё зовут полыни!

Я бы к другу пошёл,
Поздний час – это вздор!
Пусть расплавит снежок
Ночь на тёплой щеке,
Но наводит тоску
Молчаливый собор,
Но пугают меня
Полыни на реке!..

В ИЗБЕ У МАМЫ

На снежных далях – сугроб к сугробу, –
Следов вчерашних искать не пробуй!

Студеный ветер летит по весям,
А в сердце звоны забытых песен!

Взгляну в окошко – вокруг белеет,
Я нынче грустью не заболую!

В избе у мамы тепло от печки,
В углу – икона, псалтырь и свечки.

А спросит мама, о чем вздыхаю,
Отвечу тихо: я вспоминаю!

Какие видел здесь раньше лица...
И сладко сердцу! И вновь не спится!

Волнуют душу бывшие встречи.
Я рад, что долгие зимаю вечер.

И рада мама – глаза спокойны,
Как у святого с её иконы!..

ЗИМА

Зима. Безоблачный рассвет.
В селе над каждою избою
Взнеслись дымы, оставив след,
И небо выгнули дугою.

Смотрю в замерзшее стекло,
Ищу проталинку для взгляда...
В избе уютно и тепло,
Чего еще мне в жизни надо?

Но жаль, друзей со мною нет.
Что ж! Я не думаю о прошлом,
Зачем искать вчерашний след
На свежавыпавшей пороше?

Я свой на этом берегу!
Мне есть с кем разделить удачу!
А горе сам превозмогу,
Переживу и не заплачу!

* * *

Люблю я ночь и тихий снег
Над старым нашим садом...
Тогда часов не слышен бег,
В запасе будто целый век,
И счастье – где-то рядом.

Прошла душевная пурга,
Как всё всегда проходит,
А снег плывет издалека,
И палец, будто от курка,
От авторучки сводит...

НИЧЕГО СЕБЕ НЕ ТРЕБУЙ

Ничего себе не требуй,
Не пытай судьбу во мгле, –
Голова плывет по небу,
Ноги ходят по земле.

Мне и этого довольно,
Я и этим дорожу.
Рад, что птицей подневольной
В тесной клетке не сижу.

Насиделся, слава Богу,
Настрадался в тишине,
Видя снежную дорогу
В подмерзающем окне.

А теперь дорогой этой
Ухожу в леса, в поля...
Мир наполнен добрым светом,
В голубых цветах земля.

* * *

А санный путь уже подмерз,
Во сне смешались быть и небыль,
Когда на небе много звезд, –
К земле как будто ближе небо!

Из дома выйду, оглянусь, –
Снега от края и до края,
Среди снегов уснула Русь...
Спокойной ночи!
Спи, родная!..

25 декабря 2014 года исполняется 70 лет со дня рождения нашего друга, замечательного писателя, лауреата Государственной премии Вологодской области по литературе Роберта Александровича Балакшина. Вологодские писатели и редколлегия газеты «ВЛ» сердечно поздравляют Роберта Александровича с достойным юбилеем и желают новых творческих побед. Сегодня на страницах «ВЛ» публикуется отрывок из нового романа Роберта Балакшина «Страсти по Дому».

...УАЗик углубился в лесные заросли, густой ивняк. Тут и там под колёсами взвивались прозрачные облачка сбитой колёсами цветочной пыльцы. Ветви хлестали по ветровому стеклу.

— Мы не заблудимся? — по мере того, как машина всё глубже врзалась в заросли, спросила Валя не потому, что боялась в самом деле заблудиться, а потому что все молчали, а ей хотелось говорить.

Часа через полтора езды по лесным тропам машина остановилась.

— Кажись, приехали, — сказал Внуков, выпрыгнув из машины и размяв ноги.

— А где озеро? — спросила Валя.

— Ты, Валюша, тут впервые?

— Она вообще впервые на рыбалке, — пояснил Петя. — Дай, говорит, посмотрю, в чём заключается любимая забава русского народа.

Внуков, восхищённо глянув на девушку, захохотал во всё горло.

— О, держите меня. Вот это сказанула.

— Тише, — оборвал его Животов, — что ты гогочешь как пьяный запорожец. Всю рыбу распугаешь.

— Значит, наловит она, потому что везёт новичкам.

— Ешё кое-кому везёт, — протянул Внуков...

— Знаем мы, кому ещё везёт. Договоривайте, Викторин Андреевич. Дуракам и пьяницам, — сказал Петя.

Внуков, озорно глянул на него.

— Ну, вы-то не те, и не другие.

— Да уж, конечно, — отозвалась Валя.

Через высокие заросли камыша и кустарники они сошли к небольшому озеру, метров двести-триста в поперечнике.

— Пётр, скажи мне правду, — шагая в высокой осоке, спросил Внуков, — где содрал фразу об истеричности столичной интеллигенции? Сам ты наблюдать интеллигенцию не мог, да и молод ещё для таких выводов.

— Ничего я не сдирал, Викторин Андреевич, — спокойно ответил Петя. — Я для доклада собирал материалы. В списке источников к докладу указан журнал «Вопросы психологии», не помню, за какой год.

— Прости, меня сомнение взяло.

— Ничего, бывает.

— Как же мы будем ловить? — спросила Валя. — К воде не подойти. А бродней у нас нет.

— Не беспокойтесь, — сказал Животов, закатав брюки по колено, прошёл камышами и вернулся, волоча за собой цепь. — Ну, бурлаки, впрягайтесь.

Впятером они потянули за цепь, и вскоре среди травы и камышей показалась лодка-плоскодонка, до краёв бортов наполненная водой. Пошарив рукой, Животов извлёк из лодки привязанную за ржавую гремучую цепь старинную пудовую гиру.

Лодку перевернули вверх дном, вылив из неё воду.

— Она у нас хранится тут, гирей мы её притопим, а на озере гиря вместо якоря.

Все сели в лодку, один Внуков отказался.

— Милости просим в наш колхоз «Заветы вождя», — пригласил его Животов.

— Нет, — сказал Внуков, — я останусь одиночкой.

— Смотри, чтоб тебя не постигло головокружение от успехов.

— Ничего, как-нибудь переживу. В крайнем случае, приму пирамидон.

— А его не производят.

— Не может быть, — не поверил Внуков.

— Может, оставим разговоры на обед, — сказал генерал. — Тогда времени будет много.

— Приказ начальника, — согласился Внуков, в раскатанных броднях отошёл в сторону и забросил удочку.

Рыбакам в лодке не везло: у них не клева-ло. Поднимая гиру — якорь, они переезжали с места на место, меняли наживку — всё без толку. А одиночник таскал рыбину за рыбной. Только закинет крючок, глянь, через минуту выхватывает из воды сверкающую на солнце, отливающую сверкущим серебром рыбёшку.

— Учитесь, пока я жив, — свистящим шепотом послал по воде Внуков, протягивая руку за очередной добычей.

Роберт БАЛАКШИН

НА РЫБАЛКЕ

Отрывок из романа

Животов и генерал сидели мрачные, поплавки их не шевелились, за всё время ни одной поклёвки.

Петя проявлял полнейшее равнодушие к тому, что и у него не клева-ло. Человек, склада характера созерцательного, он смотрел вокруг себя и наслаждался красотой природы. Утренний туман рассеялся, отчётливо прорисовались прибрежные заросли, коричнево-мохнатые (как уменьшенные до игрушечных размеров артиллерийские банники) шишки камышей, кусты ивы, купающие свои свислые ветви в воде, всё зеркало озера, отражающее в себе набравшее дневную синеву небо, певших в приозёрных кустах птиц. Ему было радостно, что он среди этой природы, и он не один, с ним Валя, чудные любящие его люди, гораздо старше его, забавный шутник Викторин Андреевич, дед, генерал. От озера пахло утренней холодящей влагой, и ему было безразлично, много или мало он поймает рыбы, одну, две, или вообще несколько.

Туман расходился, солнце поднималось, приближался дневной жар, и скоро будет бессмысленно стоять с удочкой, а у них не клева-ло.

— А обещали, — обиженно проронила Валя. — Я уж и дома нахвасталась.

— А ты не хвастай.

— Эх ты, зайчишко-хвастунишко.

— Петька, убью.

— Чего вы на девушку надели. Не тужи, Валюша, — сказал Внуков, — сейчас у тебя заклюёт, — он склонился к самой воде и с серьёзным и важным лицом, как будто веря, что слова его и в самом деле имеют волшебную, заклинательную силу, что-то проворчал в воду.

И надо же так случиться, что в этот миг поплавок Валиной удочки целиком унырнул под воду.

— Тяни, — сдавленно прошипел Животов.

— Валька, тащи, — не вытерпев, завопил Петя.

— Молчи, дурень, — крикнул ему дед, замахав на него руками.

Валя, чувствуя появившуюся на конце лёски, там, под водой, пружинящую тяжесть, потянула на себя удилище. Оно согнулось дугой, и вот, выдернутая из своей родной стихии, на солнце заблестела полоска живого, бьющегося серебра.

— Снимай её, — опять, шипя, приказал Животов.

— А как? Я не умею, — беспомощно спрашивала Валя.

Животов с генералом вскочили в лодку и, качая её с борта на борт, рискуя опрокинуть, ловили руками летавшую мимо них рыбку.

Она мелькнула перед лицом Пети, и он успел спаять её, живую, вёрткую и скользкую.

— Сорога, — сказал генерал, когда добытая рыбка плавала в ведёрке на дне лодки.

— Слава Богу, что не упустили, — вздохнул Животов.

— Если бы упустили? — спросил генерал.

— Этот шелкопёр, — кивнул Животов на Внукова, — со свету бы сжил.

Внуков улыбался, ехидно поглядывая в их сторону.

— Как эти люди будут ловить врагов народа, если не могут поймать какую-то ничтожную рыбёшку, — сказал он. — Я бы вас вывел на чистую воду.

С этого момента начался недолгий клёв у всех. Минут двадцать, пока солнце не встало высоко и не облило своим светом всё озеро, и кусты, и камыши, и украшенный множеством ромашек луг на склоне холма, они таскали одну рыбину за другой.

И вдруг как отрезало. Теперь нужно было ждать вечернего клёва. Но ночлег не был предусмотрен программой, и сразу принялись за уху.

С добычей вышли на твёрдый берег, разожгли костёр (растопку Внуков, как бывалый охотник и рыбац, захватил из дома), шефповарил Внуков, знаток многочисленных рецептов и обычаев приготовления ухи,

когда солить, когда влить в уху для вкуса несколько ложек водки. Кто резал картошку и морковь, кто чистил лук.

Только вышли на берег, как из сита, за-сеял мелкий дождёк, зашептал по листьям.

— Водка? В уху? — удивилась Валя. — Да мы все тут пьяные будем.

— Глупая, — смеялся Петя, — несколько ложек на котелок, это слону дробина.

— Нет, я с ним больше в одну машину не сяду, и не уговаривайте.

— С кем?

— С ним, — Валя показала большим пальцем за плечо на Животова. — Он сюда гнал как бенешный, я чуть рассудка не лишилась, а водки хлебнёт, тогда и верно нас в канаву вывалит.

— Кто кого вывалит? — спросил Животов. Валя, опешив, покраснела и тут же приложила ладонь ко рту:

— Ой, кто это?

В голосе её было столько неподдельного страха, что Петя посмотрел, куда Валя указала рукой. С берега к ним спускался мужчина. Снизу он показался чуть не вдвое выше человеческого роста, а широкие сутулившись плечи, свисающие руки и слегка косолапая походка придавали ему сходство с медведем.

— Я боюсь, — сказала Валя.

— Что ты. — Петя обнял её за плечи. — Обыкновенный деревенский житель.

А человек подошёл, и оказалось, что роста он просто большого, плечи у него действительно широкие, но сходство с медведем не пропадало. Глаза у него были смеющиеся, добрые.

— Здорово-те, — сказал он весёлым, добрым голосом.

— А, дядя Боря, — отозвался как знакомому Животов, подал ему руку и сказал вполголоса: — Хозяин нашей лодки.

— Борис Фирсович, — прекратив чистку рыбы и поддёргивая закатанные до локтей рукава, шёл к гостю, раскрыв объятия, Внуков.

— Викторину Андреевичу, — сняв с головы кепку и дотронувшись ею до земли, гость заключил в объятия Внукова.

— Тише, осторожней, рёбра сломаешь, — вскрикивал Внуков, — силищи-то как у Топтыгина.

Борис Фирсович обошёл всех, подавая всем большую, как лопата, руку. «Ну и ручка, — подумал Петя, — как у Сонни Листона».

— Вижу, кто-то приехал, — говорил Борис Фирсович, — теплина дымится, дай, думаю, посмотрю, кто?

— Да полно, Борис Фирсович, Ваньку валять, казанскую сироту из себя строить, — разоблачал его деревенские хитрости Внуков, — ты, поди-ко, с самой высокой сосны нас ещё утром увидал, как мы только из Тиховодска выехали, а тут увидел, что водку достали, и вышел, чтобы шефскую помощь оказать.

Смущённая улыбка, показавшаяся на лице Бориса Фирсовича, подтвердила, что насчёт водки Внуков недалёк от истины.

— Скоро у вас? — крикнул Внуков Животову и генералу, верховодившим у костра.

— Подождёшь, ему не терпится, — огрызнулся Животов.

— Да ведь не о себе пекусь, я человек неприхотливый, я до утра готов ждать, но ведь среди нас девушка, — он подмигнул Вале, — у ней живот с голодухи подвело.

— Нет, нет, — сказала Валя, но Петя пожал её руку: Внуков дурачится.

Дождик из мелкого сеева перешёл в настоящий, ударил гвоздевыми струями, зашипел на головёшках...

— Эх, — махнул рукой генерал, мол, всё насмарку. — Есть уху в машине — что за смак?

— Зачем в машине, — сказал Борис Фирсович, — а изба моя зачем?

— До избы идти, да проситься.

— Куда идти, на берегу она, видна отсель.

— Давайте, шевелитесь, хозяин зовёт, — торопил всех Внуков.

Быстро окучили рюкзак, удочки, сна-

сти, котёл с костра, и через пять минут вошли в избу, где на пороге встречала гостей хозяйка — Мамелфа Тимофеевна.

— Как мать у Добрыни Никитича, — шепнул Петя Вале.

— А Фирсович — Добрыня, — Валя прижалась на мгновение сырым лицом к его щеке.

— Я думал, такое имя только в былинах встречается.

— А Фирсович точною от медведя произошёл. Уж очень похож. Дожил до наших времён в каком-то историческом закутке.

— Чего, милые мои, тут топчетесь, — понукал их хозяин, заносивший хранившиеся в колоде тарелки со студнем, — заходи в избу-то, красавица.

На середину стола поставили котёл с ухой, тарелки, разложили ложки с вилками, два блюда с хлебом, мыли руки, ходили по избе.

— Петь, — Валя поманила Петю ладошкой.

Петя подошёл, подивившись дремучести сельских жителей: в красном углу, где обычно у крестьян помещаются иконы в соседстве с многочисленными фотокарточками в рамках, справа и слева от иконы Николая угодника помещались: Ленин, Сталин, Брежнев, Горбачёв и Ельцин.

Этот «иконостас» заметил и Внуков. Зная по одной из частушек, что Борис Фирсович «девяносто песен знает, а молитвы ни одной», он спросил о таком странном соседстве у хозяина.

— Боря, как ты объяснишь сию картинную галерею?

— Это мать моя Ленина со Сталиным прикрепил, а остальных Мамелфа. Говорит, что в Библии написано: нет власти не от бога.

— С Библией, в частности, с Новым Заветом спорить не будем. Давайте, давайте все к столу. Восточная мудрость гласит: водку нужно пить холодной, а уху есть горячей.

Все сидели за столом, дождь лил за окном, бежал ворчливым, бурным ручьём по жестяному водосточному желобу у крыльца веранды.

Борис Фирсович встал (stopка была как наперсток в его ладони), сказал, что они с женой очень рады дорогим гостям и провозгласил их здоровье.

Затем встал Внуков, расхвалил хозяина, поведал о его поистине богатырской силе (Борис Фирсович в войну метал противотанковые гранаты, как обычные, пехотные, и один нёс на себе опорную плиту 120-мм миномёта), о его буйном характере, из-за которого он угодил в штрафную роту, а в советско-японскую войну на десять лет в лагерь.

— Такими богатырями стояла и стоять будет земля русская, — сказал Внуков и вы-сказал сожаление, что не может налить хозяину стакан, поскольку водки взято мало.

Валя искоса поглядывала на медведе-образного хозяина и не знала, верить ли словам Внукова о том, что однажды в ручкопашной схватке Борис Фирсович заколол штыком шестерых немцев, заколол бы и седьмого, да сломался штык, тогда он в ярости ударом кулака в лоб убил его. Столько было любви и отцовской, даже деловской нежности, когда он сказал им с Петей «милые мои», что так и тянуло сказать общеизвестное: «он и мухи не обидит».

Вдруг она услышала своё имя. Очнувшись от задумчивости, она увидела Внукова, пригласившего её спать.

— Спой, Валюша, спой, порадуй людей, — говорил Внуков, призывая жёстами разговаривающую компанию к тишине.

Дождь припустил сильнее, слышно было, как хлещет по крыше.

— Как же мы поедим, — вполголоса проговорил Животов.

— Ничего, Вова, прорвёмся, — сказал ему так же тихо генерал.

— Тише, тише, — сказал Внуков.

Валя встала за столом, перекинула обе толстые косы со спины на грудь, отчего лицо её стало выглядеть в рамке, взялась за концы кос, вывела всех взглядом светлых проникающих глаз и своим грудным, мягким, зазывным голосом запела.

Всякий, кто слышал Валю поющей, не мог не бросить всё, чем бы он ни занимался в этот миг, и не слушать её.

Валя пела давнюю песню, как пишут музыковеды, литературного происхождения, но её многократно записывали, как народную. Люди в деревнях и в городах певшие её, не знали автора текста и уж тем более композитора, но песня жила в народе; в годы Великой Отечественной войны она была близка действительности, и одним этим трогала и волновала женские сердца.

• Окончание на 5-й стр.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ БЕЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«БЕЛОВ. ВОЛОГДА. РОССИЯ»

В Вологде прошли Первые межрегиональные Беловские чтения под девизом «Белов. Вологда. Россия»...

Накануне дня рождения классика русской литературы Василия Ивановича Белова — 23 октября (ему исполнилось бы 82 года), в Вологду приехали писатели, литературоведы, работники библиотек на Первые межрегиональные Беловские чтения, организованные Администрацией города Вологды. Прошло два года после ухода В. И. Белова из жизни, настала пора глубоко и всесторонне исследовать и творчество, и личность писателя.

Выступая с приветственным словом, вдова Ольга Сергеевна Белова подчеркнула, что Василий Иванович очень любил Россию, переживал, тревожился за её судьбу, поэтому его творчество созвучно современности. Любовь к Родине, образ Родины — сквозная тема чтений. Их можно разделить на две части: библиотекари делились опытом пропаганды книг Белова среди читателей, а литературоведы, писатели, критики обсуждали обширное наследие писателя.

С докладами на Беловской конференции выступили известные литературоведы, литературные критики Смирнов В. П. (г. Москва), Павлов Ю. М. (г. Краснодар), Барakov В. Н. (г. Вологда), Дьячкова Е. (г. Москва). Прозвучали выступления вологодских писателей: Ольги Фокиной, Роберта Балакшина, Анатолия Ехалова, Михаила Карачёва. С интересными сообщениями и докладами выступили на чтениях библиотекари, музейщики, преподаватели, краеведы Вологды, Череповца, Архангельской, Ярославской областей, Пермского края.

Заведующий кафедрой новейшей русской литературы Литературного института им. М. Горького Владимир Смирнов содержательно проанализировал «Лад» В. И. Белова. Литературный критик из Краснодара Юрий Павлов подробно говорил об отражении творчества и личности В. И. Белова в литературоведении, критике и публицистике. В частности, он отметил, что В. Белов являл собой христианский соборный тип личности. Сравнивая художественный мир В. И. Белова и А. И. Солженицына, критик сделал вывод, что их миры разные, во многом противоположные.

Литературный критик Виктор Барakov из Вологды проследил традиции «деревенской прозы» в творчестве Б. Екимова, С. Мишнева и А. Кирова. Ученый из Череповца Алексей Новиков рассказал об истории постановки пьес Василия Белова в народном театре Дворца культуры металлургов; многие подробности были названы впервые.

Вообще, на чтениях прозвучало много нового, познавательного, что расширяет представление о Василии Ивановиче Белове. Руководитель Вологодской писательской организации Михаил Карачёв доложил о работе по увековечиванию памяти Белова. К сожалению, на сегодняшний день властями мало что сделано. Не присвоено имя улице, библиотеке, не решен вопрос с музеем-квартирой... Хочется надеяться, что Беловские чтения послужат толчком к предстоящей большой работе. Участники чтений побывали в родной деревне писателя Тимонихе.

Сегодня на страницах «ВЛ» вниманию читателей представлен доклад литературного критика из Вологды, доктора филологических наук, профессора В. Н. Баракoва.

Г. САЗОНОВ

Виктор Барakov (г. Вологда)

ОТ «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ» — К ПРОЗЕ О ДЕРЕВНЕ (БОРИС ЕКИМОВ, СТАНИСЛАВ МИШНЕВ, АЛЕКСАНДР КИРОВ)

(Печатается в сокращении)

В последние годы в литературоведении все чаще говорят о «конце» «деревенской» прозы, об исчерпанности ее художественных идей, о консервативности и даже «реакционности» некоторых ее представителей (Славникова О. Деревенская проза ледникового периода // Новый мир, 1999, № 2; книга американской славистки Катлин Парте «Русская деревенская проза: светлое прошлое». — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004; Быков Д. Телюга: русское почвенничество как антикультурный проект // Быков Д. Советская литература: краткий курс. М., 2013 и др.). Никто не спорит, кстати, о том, что эта выдающаяся литература стала фактом истории, классикой; но известная наша страсть все обобщать и

преувеличивать привела критиков к совсем уж пессимистичным выводам. Так, Н. Ковтун в книге «Деревенская проза» в зеркале утопий» (Новосибирск, 2009) переходит к прямому оскорблению, называя эту прозу «бессознательно-утопическими текстами».

В статье И. Ивановой «Деревенская проза в современной отечественной литературе: Конек мифа или перезагрузка?» (Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2013. № 6(24). Часть 1. С. 88–94) говорится: «А вот с тем, что «деревенской прозы в России сегодня практически нет», согласиться трудно. Это справедливо, только если считать таковой лишь прозу Шукшина, Распутина или Белова, о которой шла речь выше. Но если правомерно

распространение этого понятия на любое адекватное произведение на сельскую тему, то можно назвать целый ряд произведений последних пяти лет, которые, несомненно, связаны, пусть даже полемически, с традицией деревенской прозы: «Лада, или Радость» Т. Кибирова, «Поэзор и чистота» Т. Москвиной, «Крестьянин и тинейджер» Андрея Дмитриева, «Елтышевы» Р. Сенчина, «Псоглавцы» Алексея Иванова.

Думается, что за исключением Р. Сенчина, все остальные авторы, представленные в этом списке, довольно сомнительны. У Павла Басинского подобный ряд более реалистичен — он видит следы деревенской прозы в произведениях Захара Прилепина, Романа Сенчина, Михаила Тарковского и Алексея Варламова. С нашей точки зрения, более пристального внимания заслуживают три писателя, продолжающие традиции «деревенской прозы» на новом этапе: Борис Екимов, Станислав Мишнев и Александр Киров.

Борис Екимов, современный волгоградский прозаик, лауреат Государственной премии Российской Федерации (1998 г.), пишет о судьбе деревни и человека-труженика, попавшего в нелёгкие условия перелома эпох. Наибольшую известность ему принесла повесть «Пиночет» (1999), в которой автор одним из первых поставил вопрос о необходимости не просто «выживания» в нынешних условиях, а о кардинальной смене идеологии жизни.

Местом его рождения является город Игарка Красноярского края, но «малой родиной» писателя стал Калач-на-Дону, в жизни которого отражаются все беды и горечи русской деревни. Увлечение писателя прозой В. Астафьева, В. Белова, В. Шукшина не прошло бесследно — Екимов старается следовать художественным принципам, сформированным «деревенской» прозой.

Творчество Б. Екимова опирается на «вечные» темы: детская тема (рассказы «Фетисыч», «Проснётся день»), религиозная (рассказ «Возвращение»), тема «малой родины» (повести «Высшая мера», «Наш старый дом»).

В книгах вологодского писателя **Станислава Мишнева** (Пятая липа: Рассказы. — СПб., 2005; Ангелы всегда босые. — Вологда, 2012) окончательно свершился переход от изображения автором социального времени крестьянства к переосмыслению его же, но с метафизических позиций.

Рассказы и повести Станислава Мишнева посвящены русской деревне, вот уже второй десяток лет стоящей на перепутье.

Крестьянство, выкошенное во время коллективизации, надорвавшееся в военные и послевоенные годы, успевшее спокойно пожить только при Брежнев, в новом лихолетье так и не нашло себя. Колхозы разрушены, фермерство оказалось мертворожденным, везде воцарилось мелкое торгашество. Доживают свой век пенсионеры, сельская интеллигенция, а крестьянин продолжает трудиться в какой-то полуфантастической действительности, где с одной стороны — властные фантазии высокого, чуть ли не марсианского полета, а с другой — «тайная азбука обнищания». Станислав Мишнев видит русского человека насквозь, со всеми его пороками и достоинствами; не идеализирует, не заблуждается на его счет, но твердо знает: Россия всегда стояла, и будет стоять за справедливость. Если надо — умрет, но за либеральную чечевичную похлебку первородство свое не отдаст.

Борис Екимов пишет вроде бы о том же убитом горем селе, но его рассказы больше похожи на физиологические очерки («Мишка», «На хуторе», «Тюрин»). У Станислава Мишнева, кроме повседневной жизни, есть философский подтекст, есть нечто более существенное и до конца неразгаданное — все то, что зовется поэзией.

Станислав Мишнев способен угадать типичное как в судьбе отдельного человека, так и в жизни нации; обыденное, мирское под его пером совершенно преображается.

«В уходящем дне, — признается писатель, — всегда есть что-то печальное, влекущее и чарующее, незаконченное, незавершенное, иконописное. Стою на росстани на краю поля — дорога на две руки... За спиной моя бедная, разоренная деревня... мои глаза становятся острыми и, словно впиваясь то в мелькнувший вдалеке свет, то в пролетающего жука, сылятся на всю оставшуюся жизнь запомнить все, взять с собой все. Я жадный — все!.. В обмен на будущее — непознанное и светлое, забрать омытое слезами отжившее, лукавое и проклятое настоящее. В эту минуту

душа переполнена особым чувством, нотой искреннего удовлетворения, любви к своей униженной России, и название этому — Вечность».

Еще одно отличие прозы Ст. Мишнева — живой язык, сквозь который нам, отвыкшим от подлинной русской речи, порой приходится продирается. Путеводителем по страницам книг Ст. Мишнева может стать его словарь «Тарногский говор» (Вологда, 2013). Значимость этого словаря будет со временем только расти.

В прозе молодого архангельского писателя **Александра Кирова** (Митина ноша. — Архангельск, 2009; Последний из миннезингеров. — М., 2011), в его лучших рассказах и повестях используется преимущественно сказовый стиль, лирико-ироническое отступление, есть в них и настоящий русский юмор, заставляющий смеяться до слез и сквозь слезы. Автор может воссоздать любую интонацию подлинной народной речи, которую придумать нельзя, можно только услышать и приблизительно воспроизвести. Способен он и фантазировать, используя юмористические и трагикомические парадоксы сегодняшней жизни.

Повести и рассказы А. Кирова и по языку, и по манере изложения, и в самом дыхании прозы родственны классическим ее страницам, в которых присутствует высокий дух познания и преображения русского человека независимо от места его бытования.

В старших учителях у Кирова — Шукшин с неизменными и вечными чудиками; Чехов с его лаконичностью, недосказанностью и нелюбовью к авторским комментариям; Платонов со своей метафизической невозмутимостью и народной задумчивостью.

Киров усвоил не только шукшинскую манеру «брать быка за рога» — начинать рассказ сразу, без экспозиции, — но и шукшинское парадоксальное словесное рисование — даже в названиях: «Любовь, смерть и пара бордовых шерстяных носков». Ничего не напоминает? — Как же: «Космос, нервная система и шмат сала». Рассказ «Ласточка» имеет прямую связь с сюжетом новеллы Шукшина «Беспальный». Ну и, конечно же, восхищает замечательная речь, в основе которой — народный сказ. Повесть «Троянос Деллас» заставляет вспомнить фантазмагорическую «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина и безысходные, ирреальные, сиротские повести и рассказы Платонова, особенно «Чевенгур».

«Троянос Деллас» — не антиутопия. Ее главы выглядят жуткими и фантастическими, но реальность страшнее. Оказывается, от демократии до анархии — один шаг, а от анархии до бандитского Кушевки — и того меньше.

Трагический раскол (с одной стороны — основная масса народа, живущего в провинции, с другой — централизованная власть) продолжается и сейчас. Авторы современной прозы о деревне увидели здесь не просто издержки урбанизации, но продолжение трагического процесса «раскрестьянивания», теперь уже на новом его этапе. И усиление публицистичности, характерное для всей нашей прозы и всей литературы, в их творчестве имеет конкретное исходное начало. Равнодушие горожанина к деревенскому жителю, столичного жителя к «провинциалу» — эти внешние приметы чудовищного разрыва между деревней и городом, превращения русской провинции в безысходное, горькое захолустье не могли не отпечататься и на литературной жизни. Не только равнодушие, но и высокомерие по отношению к провинциальной России, игнорирование ее интересов — главная причина неудач всех реформ, начинаемых «сверху». Но проблема не ограничивается «маргинальной» оппозицией: «город — деревня». Наиболее талантливые авторы новой прозы о деревне не стремятся противопоставить город и село, их поиски устремлены не в прошлое или будущее, а к современности и к вечности, так как именно вечные, духовные начала определили (и определяют до сих пор) историческую судьбу народа: «Здесь русский дух в веках произошел. И ничего на ней не происходит» (Н. Рубцов). Их историзм особый — он выражен в понимании хода истории как единого в своей вечности бытия. Новая проза о деревне свидетельствует о драматическом возвращении к классическим традициям, о поиске духовной основы. Современную прозу о деревне можно с полным основанием характеризовать как литературу национального самосознания.

Роберт БАЛАКШИН

НА РЫБАЛКЕ

Отрывок из романа

• Окончание. Начало на 4-й стр.

В песне рассказывалось об армии, шедшей в поход, о молодом офицере — кавалеристе, попросившем напиться у девушки, о вспыхнувшей, помнившейся всю жизнь любви.

«Всю-то ноченку мне спать было невмочь. Раскрасавец барин снился мне всю ночь», — пела Валя, и вся жизнь девушки проходила перед глазами. А когда Валя пела о вдове, в голосе её, не знавшей ни замужества, ни вдовства, звучала такая глубокая нежность, сострадание, столько тоски и мечты о любви, которой суждено было остаться всего лишь мечтой, что у слушателей захватывало сердце.

Животов украдкой покосился на Внукова. В натуре своей, несмотря на насмешливость и готовность на шутку, Викторин Андреевич, как и большинство писателей, был психопатом, способным живо откликаться на любое движение души. Слезы текли по его щекам. Плакала и Мамелфа Тимофеевна, подперевшись старушечьим кулачком под щеку.

Валя замолчала. Внуков подошёл, мокрый от слёз щекой прикоснулся к её щеке, поцеловал в лоб.

— Молодчина, — сказал он и, вдруг вздрогнув, встрепенувшись, словно вспомнив что-то забытое, горячо заговорил:

— Вот что петь надо. Вот что должно в концертных залах, а не в избах звучать. А нас принуждают что слушать? Говорят, не нравится, выключи, но жизнь не выключишь, если это всюду звучит, куда ни шагни. Ещё совсем недавно песни были другие, а сейчас песню родную не услышишь. Слушай Высоцкого, а что русского в нём, слова только, а всё остальное — дух чужой. Бродского нам навязывают в национальные поэты. А во всей его поэзии нет сотори доли того, что есть в «Добром Филе» Рубцова. О Высоцком снимают сериалы, а о Рубцове не будут, потому что там русская жизнь, корневая, а тут...

— Андреевич, — Борис Фирсович встал, взволнованный, сжимая свои страшные кулаки-кувалды, — что ты разошёлся, чего так расстроился. Выпей лучше. Кто твой враг, скажи, я хоть и старый, а любому голову отвинчу.

— Прости, Боря, — сказал он, — видно, старею, завожусь без оборота. Это у нас давешний, ещё дорожный разговор. Прости. Пора, друзья мои, собираться, погостили, надо и честь знать.

Первые Жаравинские чтения

В КИЧМЕНГСКОМ Городке в день 55-летия писателя Михаила Геннадьевича Жаравина прошли Первые районные Жаравинские чтения.

Учителя, библиотекари, старшеклассники, музейные работники, литераторы говорили о яркой, но короткой творческой судьбе писателя-земляка, прожившего всего 36 лет земной жизни. Вел литературные чтения председатель правления Вологодской писательской организации Михаил Карачёв. На следующий день состоялась поездка в деревню Еловино, где родился в 1959 и похоронен в 1995 году Михаил Жаравин.

Начинал Михаил Жаравин, как и многие, со стихов, но быстро нашел свой творческий путь прозаика, где его талант проявился ярко и выросал стремительно. После школы и службы в армии, Михаил в 1980 году обосновался в Вологде, работал на подшипниковом заводе, заочно учился в Литературном институте. На областном

литературном семинаре классик русской литературы Василий Белов заявил: «Поздравляю общественность с новым пи-

сательским именем». Писательский дар Жаравина Белов сравнил с Шукшинским. Вологодская писательская организация в

1994 году делегировала Михаила Жаравина в Москву на всероссийское совещание молодых писателей, где по рукописи он был принят в Союз писателей России. Публиковался Михаил Жаравин в «Литературной России» (с предисловием В. Белова), журналах «Север», «Поле Куликово», «Воин России», «Наш Современник».

Прозаик Александр Цыганов, много помогавший творческому становлению Жаравина, свидетельствовал: «Проза Михаила Жаравина ошеломила всех... чудесным владением народного языка, стремительной, гибкой манерой написания, смелостью... Он из тех редких творческих личностей, которые, казалось бы, не испытывали извечной боязни перед чистым листом бумаги».

Ранее изданные малыми тиражами произведения М. Г. Жаравина, в настоящее время ждут своего профессионального, полноценного издания и прочтения, осмысления современной литературной критикой.

НАША ПУБЛИЦИСТИКА. XXI ВЕК

ТАК бывает, — возникнет какой-нибудь мотивчик в уставшем мозгу, да и крутится там, пока его не заменит круг дневной суеты.

Дня за два перед поездкой в деревню, периодически возникала песенная строчка, неизвестно почему вдруг всплывшая в памяти: «Кого ждала, кого любила я...».

И пока шёл пятнадцать километров от автобуса до родной деревни, в которую по весне автобусом не добраться, строчка заканчивалась и начиналась вновь: «Кого ждала...»

Строители, два года назад взявшиеся расширить дорожное полотно, лес по обеим сторонам дороги вырубали и оставили после себя непроходимые обочины. Выбираться на них, когда обходил озерины, так в нашей деревне называют большие лужи, надо было с большой осторожностью — того и гляди ногу сломишь. Да и молодая поросль уже порскнула вверх, забирая обратно, вроде бы, отвоёванное у леса пространство.

Да какое там отвоёванное!.. Вдоль дороги торчали пни от спиленных и увезённых деревьев — где-то нормальные, а где-то метровые и выше уродцы. За один такой пенёк во времена лесоповалов могли и пайки лишиться, а десятнику припасть несколько лет и отправить в ту же бригаду с двуручной пилой, которую в шутку называли: «ты — мне, я — тебе».

Теперь лес заготавливают другими пилами. Техника — на грани фантастики: и спилит, и сучки обрубит, и на прицеп брёвна уложит. А вот варварства с такой техникой в русском лесу стало не в пример больше.

Хапнули чудесный строевой лес вдоль дороги, мгновенно его вывезли, и о дороге забыли. Обочины высокие, и сама она теперь, когда тает снег или льют проливные дожди, представляет собой одну большую канаву. И та красота, которой любовался не одно поколение земляков, живущих в расположенных вдоль дороги деревнях, исчезла. Не узнать теперь дорогу, на которую приятно было выйти из леса с корзинкой, полной грибов или ягод, и пройти по ней пешком, благодаря лес за удачу.

Зима в этом году выдалась бесснежная, апрель — с ночными морозами под минус десять, но воды в лужах хватало, хотя ночью они покрывались толстой коркой льда. Вся грязь ещё была впереди, когда начнёт отходить почва, но и сейчас не обошлось без типичной для этого времени картины: на дороге в луже по самую, как говорится, ступицу сидела иномарка. Водитель в ботинках суетился на обочине, его родственник из деревни, до которой было километров восемь, обутом в сапоги, пытался поддомкратить заднее колесо. Переднее засело в глубокой выбоине, в салоне иномарки плескалась вода.

Без трактора тут делать было нечего, о чём я, в конце концов, и сказал упорным мужикам, и с чем они согласились. Трактор был только в одной из ближайших деревень, в той, до которой меня довёз автобус.

Я тронулся дальше, а привязавшаяся мелодия со словами: «Кого ждала, кого любила я, уж не веротишь, не вернёшь...» продолжала крутиться в голове. Рюкзак, в котором нёс хлеб и разную снедь на неделю, уже изрядно оттянул плечи, но не

Юрий МАКСИН

«КОГО ЖДАЛА, КОГО ЛЮБИЛА ТЫ...»

отпуская меня мелодия периодически отвлекала от груза за спиной.

За километр до деревни решил пойти более короткой дорогой, идущей мимо деревенского кладбища, которое раньше со своими берёзами, соснами и могильными памятниками и крестами открывалось взору среди большого колхозного поля. Теперь путнику виднелись только верхушки высокие кладбищенских деревьев, чуть заметные над молодой порослью, за двадцать лет беспорядочно покрывшей ставшее никому не нужным поле.

Не выросла только дорожка на кладбище, идущая с основной дороги...

Но во что превратился тот короткий путь, сокращавший для каждого жителя деревни время встречи с родным деревенским домом!

То ли ощущение страха, то ли инстинктивная настороженность стали проникать в мою кровь вместе с морозным воздухом. Раньше за километр красиво рисовалась деревня, виднелась вековая липа у отчего дома, высокая соседская берёза.

Ничего этого не было видно за двадцатилетними соснами, выпазгавшими на плодородной полевой земле. Как будто не было, и нет моей милой деревни, куда почти добрался, несмотря на все превратности весенней распутицы. Обочины были изрыты полчищами кабанов, везде виднелись свежие следы их наступательной борьбы за выживание.

В годы моего детства, лет этак пятьдесят назад, кабанов в нашей округе не водилось вообще, пока не завезли их для охотничьей забавы. Но развелось их столько, что постепенно с исчезновением полей, окружавших деревню со всех сторон и в определённом смысле защищавших её, они становились хозяевами леса, поля и картофельных участков оставшихся в деревне жителей.

Любят кабаны полакомиться молодыми картофельными корешками — столонами, на которых образуется молодой картофель. Вот и приходится местным жителям из года в год дежурить по ночам на своих участках в течение этого «вкусного» для кабанов периода, отпугивая их фонариками да звуками ударов в пустые кастрюли. Смех, да и только!

Да, всё это было бы смешно, когда бы ни было так грустно, — как сказал поэт.

У меня с собой ни ружья, ни ножа. На свежеразрытой земле ясно виднелись следы: и мелкие, и средние, и настоящих вепрей. Но не возвращаться же было на большую дорогу. Так и дошёл до деревни, до её бывшей околицы, которая закрывалась забором, чтобы домашние животные не выбегали в поле.

Нет уже ни забора, ни околицы. Путника с этого конца деревни встречает избушка с провалившейся крышей, поросшая мохом, на которой висит табличка с названием

улицы и номером дома: улица Труда, дом № 1...

Когда пишу эти строки, по спине уже ходит холод. Пора печь топить, ночь опять выдалась холодная, за минус десять. И за ночь пятистенкой выстыл. В деревне не забалуешь, никакое ЖКХ за тебя печку не натопит.

На чугунной печной дверце советских времён изображена часть земного шара с параллелями и меридианами и пролетающим над Землёй спутником. Не знаю, что имел в виду автор этой незамысловатой, почти детской картинки, но ведь запечатлели же её на печных дверцах и далеко не в единственном экземпляре. Наверное, по мнению автора, печная дверца, когда топилась печь, открывала дорогу в космос — и теплу от сгоревших дров, и теплу сердец, согретых этими дровами. Быть может, он имел в виду и то, что, в конце концов, все мы «вылетим в трубу», и станем вечными спутниками своей матушки-земли. А что все там будем — не подлежит сомнению.

И всё делается для того, чтобы произошло это как можно скорее. Век колоссальных успехов научно-технического прогресса «шестьдесят своим путём железным», не оставляя человечеству возможности задуматься, что творим. И что ещё будет...

Два дня сгребал и носил на удворину (участок земли у двора) прошлогоднюю листву от растущих у дома двух мощных дубов и липы, чтобы закопать листву в землю в качестве удобрения для посадки картошки, лука, моркови, капусты — и что там ещё посадят мои родственники на доставшемся в наследство участке деревенской земли.

С удобрением теперь — беда. Нет ни конюшни, ни фермы, да и в частном секторе коров ни одной не осталось. Ушли вместе с поколением моих родителей.

Нет навоза — перешли на компосты, да ещё кое-кто скрытно, стесняясь этого, такает из лесу гранулированный лосиный помёт. Но это ещё не вошло в моду, хотя слух о его чудодейственной силе уже идёт среди огородников...

Дорогой, изрытой кабанями, сходил на кладбище, очистил от листвы и мусора могилы деда, бабушки, отца. И на душе стало чисто, как у родимых могил, как в небе, сиявшем апрельской лазурью.

А скоро, с приходом настоящего тепла, запоют птицы, начнут объясняться в любви соловьи.

А кому объяснится в любви этой необычной весной моя душа, уставшая за годы свалившихся на страну чуждых ей перемен? Как мать, которая дорога сердцу в любом, даже самом беспомощном состоянии, дорога мне моя родина.

Кого ждала она все эти безумные годы? Конечно же, того, кого любила, кого вспоила своим молоком, поставила на ноги, и кто ушёл в непредсказуемый мир и возвра-

щался к родному очагу лишь наездами — на побывку.

Ждала и ждала, пока не устала. Прости меня и всех нас. В детях наших осталась лишь половинка твоей крови, а у внуков всего лишь четвертая часть.

Но какой крови! В ней — честь и совесть. В ней — гордость за свой народ, прошедший такие испытания, какие другим изнеженным нациям и не снились.

Я — русский. И, глядя на печную дверцу с летящим на ней спутником, за которой гудит огонь и потрескивают еловые поленья, думаю о том, что и в космосе русский парень был первым, и всё это произошло на моём веку. Звали этого парня Юрий Гагарин. Земной путь его длился всего тридцать четыре года...

Коротка человеческая жизнь или длинна? Наверное, она измеряется не временем. Что время нашей жизни по сравнению с Вечностью!

Земной путь Михаила Лермонтова, чьё 200-летие отмечается в этом году, не достиг и двадцати семи лет. Но помнить его и его бессмертные строки будут вечно. И в этом не возникает сомнения, когда смотрю на ночное деревенское небо, усыпанное звёздами, и губы сами шепчут лермонтовское: «В небесах торжественно и чудно, спит Земля в сиянье голубом...»

Ну как он узнал, что Земля, если смотреть из космоса, — голубая?

Он живёт в сердце каждого русского, и это в нашей крови не разбавляется поколениями, потому что русскость наша — надмирна, как надмирна и поэзия Лермонтова.

И разные мысли, которые навевают мне пребывание в родовом гнезде, — не все о грустном. Я здесь предоставлен самому себе — в условиях близких к выживанию, а значит, мозг мой скоро освободится от суетного и настроится на ритм, необходимый для творчества. Два-три дня, и рука потянется к перу, перо к бумаге. А когда вдруг возникает порядок слов, где живёт поэзия, это приносит радость, которую никому не дано омрачить.

Уколы завистников, когда был юн, больно ранили сердце и надолго выводили душу из равновесия. Сейчас вообще зависть с таланта сместилась на кошелёк. Но мой кошелёк пуст, значит, и завидовать нечему. И я говорю по этому поводу: «Слава Богу!»

В одной из студенческих песен моей молодости пелось: «Нелюбимым Бог даёт корыто сытости. А любимым Бог — страдания даёт». Истинно так. Все, кто был слыше отмечен печатью гениальности, сполна испили и чашу страдания.

«Нет худа без добра», — слова моей мамы. Только надо понять, ощутить, где добро в этом хуе...

Глядя на спутник на печной дверце, за которой угомонился огонь и дошаивают угли, я думаю: куда ещё занесёт нашу русскую душу: в заоблачные дали или обратно в родные места, где только и можно обрести исцеление, и которые ждут руки ласковой, души чистой, любви верной.

«Кого ждала, кого любила я...»

Всё вернётся. Как вернулся в Россию Крым — радостно и бесповоротно.

РЯДОМ С ВЕЛИКИМ

ВТОРАЯ година, как нет с нами Василия Ивановича Белова...

Вологжане — счастливые люди. Рядом с ними жил великий человек Земли Русской. Многие знали его в лицо, за просто здоровались, встречая на улице. Я ещё школьником тоже узнал, что на нашей улице Ветошкина, где жила наша семья, всего-то через три квартала живёт писатель Василий Белов.

Познакомились же мы, когда я стал работать в редакции областной газеты «Вологодский комсомолец». Тогда уже Василий Иванович стал жителем по тем временам элитного дома, который был в одном квартале с редакцией. Василий Иванович чуть ли не раз в неделю заходил на наш «огонёк».

Сейчас не буду вспоминать многочисленные встречи со знаменитым писателем. Для этого ещё придёт время. Но надо понять, как благоговейно относились мы, начинающие литераторы, к самой возможности пообщаться с известным земляком.

И особой честью для сотрудников молодёжной газеты было задание взять интервью у писателя. Или осветить его встречу с читателями. Первый раз такая возможность выпала мне ровно тридцать лет назад...

Будущим биографам Василия Белова будет интересно узнать, что вечер 9 апреля 1984 года писатель провёл в Доме профтехобразования Вологды. И случилось так, что освещать это не рядовое событие обязалась областная молодёжная газета «Вологодский комсомолец».

Совсем недавно разбирая свой архив, неожиданно обнаружил расшифровку магнитофонной записи беседы В. И. Белова с учащимися ПТУ. И будто бы снова окунулся в атмосферу того времени, и будто бы снова услышал незабываемый голос Василия Ивановича.

При этой публикации я решил сохранить некоторые шероховатости устной речи и смысловые повторы, характерные для спонтанного выступления, которые при публикации в газете были сглажены редакторской правкой.

Сначала было выступление В. И. Белова перед слушателями, потом он отвечал на вопросы из зала.

— Дорогие ребята! Я и не знаю, с чего бы начать. Да, о чём с вами говорить я не очень знаю. Ладно, буду выступать как учитель.

Стоит вам сказать, что моё знакомство с вашими учебными заведениями состоялось давно. Вас ещё не было на свете, когда в 49-м году я удирал из колхоза. Тяжёлые были годы, но я убеждён, что счастье не зависит от материальных, что ли, благ. Понятие счастья более широкое и ёмкое. В 46-м году в нашей деревне умирали люди с голода. Например, мой дружок Плетнёв. Врач пришёл к нему, а он холодный на печке... Я решил, что уеду. И ещё поклялся, что привезу маме денег...

Тогда в ФЗО набирали по разнарядке сельсовета. Я вот посмотрел в вашем музее на вашу жизнь, но чувствую, что у нас было всё другое, совсем не так. Так получилось, что я стал учиться в ФЗО на столяра. С тех пор я начал делать рамы, табуретки. Раму, кстати, сложно сделать, это уже настоящий столяр. Потом я работал самостоятельно столяром.

Потом я освоил дизель. Это было под Вохтогой. Мы жили на участке электросетей, в палатках, и даже зимой. Но мне хотелось учиться дальше. Нужно было окончить среднюю школу. Я поехал в Ярославль. Только поступил в вечернюю школу, забрали в армию. Только в 1958 году окончил среднюю школу в Грязовце. Видите! Можно всюду ринуться, но не везде может получиться.

Я считаю, что человек должен делать

Василий Белов:

«ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН УМЕТЬ ДЕЛАТЬ ВСЁ!»

всё: и стихи писать, и сортиры (извините) чистить... Когда я еду в деревню, я занимаюсь всем. Есть категория людей, которые боятся запачкать руки землёй. Лодыри!

Мне это непонятно в современном обществе. Во время войны города были чище, чем сейчас. Недавно я приехал в Ленинград, вышел на Невский. Мне стало стыдно. Сотни людей бегают за здоровьем, а не могут навести порядок хотя бы рядом со своим домом...

Считаю, что каждый человек должен готовить себя к жизни. Все люди имеют какой-то талант. Нет людей бездарных. Или им что-то помешало открыть свой талант. Если человек с самого детства готовится, скажем, в геологи, но ничем не интересуется, то из него ничего не получится.

Я пробовав всё делать, и физически работать. У меня верстак дома в деревне, но не хватает времени. Я технику люблю. Я бы собрал что-нибудь. Я смотрел вашу выставку изделий. Интересно. Помню, сделал детекторный приёмник. Но уже потом собрал и ламповый приёмник...

С писательством как получилось? Я писал ещё в детстве. Ещё стихи. Писал и в Соколе, потом в армии. В армии однажды мои стихи, ещё слабые, опубликовали...

После армии я начал серьёзно думать о жизни. Была у меня романтическая любовь. Я вернулся сюда. Я хотел работать в газете. Не взяли меня в газету работать. Потом уже в Грязовце пришёл в газету. Я два с лишним года работал в газете. Когда закончил 10 классов, поехал в Москву. После института занимаюсь писательством профессионально. Теперь отступать поздно...

Вышло много книжек!

Вот пьесы напечатать было трудно. Пьесу «Над светлой водой» поставили в 30 театрах. «По 206-й» поставлена меньше. А пьеса «Бессмертный Кошей» поставлена Народным театром Череповца. Там режиссёр отличный — Рафик Михайлович Смирнов. Хотя я считаю, что это моя лучшая пьеса.

Статьи, кстати, писать трудно. Сейчас я работаю над книгой о 30-х годах. Я написал «Кануны». Хочется написать книгу о современности...

— **Какие впечатления остались от школы ФЗО?**

— Это было первое впечатление от города, знакомство с ним. Хотя я учился 6 месяцев. В нашей школе училась группа «блатных». Они подражали

взрослым преступникам. Воровали, пили водку. Пытались обижать нас. А мы, деревенские мальчишки, ничего этого не знали. Был конфликт такой. Были отрицательные стороны, но были и радостные. Так я помню радость после того, как сделал рамку. Стал снова учиться, писали диктанты. Хотя первые навыки учёбы дала школа. У нас не было в деревне книг. Лазили по чердакам, искали книги. Правда, времени, чтобы читать, мало оставалось.

Если вы считаете, что поступление в ПТУ менее почётно, чем в техникум или вуз, вы ошибаетесь. Надо вставать на ноги, чтобы не зависеть от папы и мамы, от государства. Своим трудом заработанный хлеб намного почётней...

— **Какие дополнения вы бы внесли в Проект школьной реформы?**

— В нашей школе слишком много реформ. Я считаю, что сокращение гуманитарных предметов нам навредит. Потом, нужно ли, чтобы образования давали всем? Это вредно. В наше время могли исключить из школы. А сейчас держат всех, даже оголтелых двоечников. Я бы, например, упростил некоторые предметы. Дочь мне показывала примеры из математики... Там такое, что и взрослые инженеры иногда не решат. Для жизни достаточно арифметики. Я бы ввёл чистописание. Шариковой ручкой никогда не написать красиво. Говорят, что почерк формирует характер. Я бы сделал пятидневную неделю...

— **Ваше отношение к поэзии Николая Рубцова?**

— Рубцов был одним из лучших поэтов России за последние тридцать лет. Нет возможности много об этом говорить сейчас. Не Вознесенский или Евтушенко, а именно Рубцов был истинный поэт. Его ещё плохо знают, мне кажется...

— **В чём для вас понятие красоты?**

— Понятие красоты сейчас сместилось. Я считаю, что некрасиво выглядит девушка накрашенная тушью на глазах. Или парень идёт на высоких каблуках. Много бы можно привести таких примеров. Существует красота отношений в семье. Например, как ты разговариваешь с матерью... У меня была книжка «Лад». Я в ней рассказываю о традициях отношений в семье, в деревне, между мужчинами и женщинами... Например, второй раз жениться считалось неприличным. Хотя современная практика это позволяет. Да ещё и детей бросают.

Миллионы людей бросают и не видят в этом ничего плохого...

— **Какие качества вы цените в людях больше всего?**

— В каждом человеке есть что-то своё. Плохо, если все будут одинаковые. Я ценю больше всего трудолюбие, в любви — верность, у девушек — стыдливость и красоту, у ребят — умение зарабатывать деньги. А если девушке не хочется иметь семью, тут что-то непонятное мне, какие-то в ней есть хорошие качества...

— **Что вы можете сказать о молодёжи?**

— Мне не нравится в молодёжи повальное увлечение западной эстрадой. Под которую просто топчутся на месте и «балдеют». Ученые узнали, что эти звуки вызывают опьянение. Причём у нас многие занимаются пропагандой дискотек. На Западе, кстати, не так и увлекаются «тяжёлой» музыкой. Я был в Европе. Был в ФРГ, пошёл на дискотеку. Пришёл и сравнил с нашей вологодской. У немцев все звуки тише, красивей. В Вологде недавно посмотрел ритм-балет. Это стриптиз! В Париже я видел такие танцы. Представьте, 50 девочек в одних бикини, как им не известно, не знаю... И это преподносят у нас как молодёжный досуг. Мне почему-то стыдно за такой досуг. У нас в деревне девочки и мальчики, когда летом купались, за километр друг от друга уходили... А что в молодёжи нравится? Да, прекрасная у нас молодёжь. Даже скажу, что молодость — это единственное время для счастья...

— **Вы бывали во многих городах. Что вам запомнилось?**

— Всё запомнилось. Мне запомнились встречи с писателями. Наша работа требует уединения. Поэтому любые встречи для нас в радость, открытие людей. Много ездил за границу, я уже писал об Италии, хорошая страна...

— **У вас была встреча с Гагариным... Расскажите, какой он?**

— Я был в Вёшенской. Там и была встреча. Михаил Александрович Шолохов пригласил нас туда. Полетел с нами Гагарин. По салону самолёта Гагарин ходил в одних носках. Не знаю и почему. Ему надоело, что самолёт медленно летит. Он пошёл в кабину к пилотам. Вдруг самолёт стало кидать туда-сюда. Гагарин вышел из кабины и улыбается: «Ну, как?» Ещё характерно. Пошли купаться. Гагарин первым разделся, первым бросился в воду. И напоролся на стекло. Кровь бежит из ступни, а он всё равно улыбается. Весёлый был человек, чуть бесшабашный...

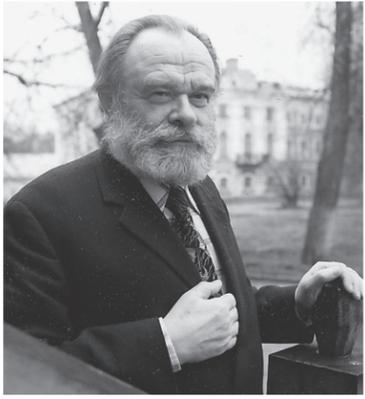
Не знаю почему, но расшифровка плёнки обрывается на этом месте. Я предполагаю, что дальше были какие-то незначительные вопросы или односложные ответы В. И. Белова. Интересно, что подготовка к публикации этого материала стала поводом побывать впервые в рабочем кабинете Василия Ивановича. И хотя это не было интервью, требующее обязательной визировки, но наш редактор Владимир Кудрявцев попросил, чтобы я показал материал писателю-земляку. Помню, что Василий Иванович заменил слово «удрал» из деревни на «ушёл». Ещё какое-то время думал над своим ответом о современной молодёжи. «Неужели я так и сказал?» Он повторил эту фразу несколько раз, но потом уже ничего в материале не правил. Остальное в тексте доправил редактор.

Я не знаю, стоит ли комментировать всё, что написано выше... Наверное, не стоит. Нельзя повернуть время вспять, и не надо этого делать. Пусть останется память такой, как она есть.

Андрей СМОЛИН,
член Союза писателей России

На снимке: В. Белов и Ю. Гагарин.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Юрий ЛЕДНЕВ

Юрий Макарович Леднев родился 25 ноября 1929 года в Макарьево-на-Унже. В 1952 году, после службы в армии, с рекомендацией поэта Михаила Спирова он поступает в Литературный институт, где под руководством писателя-вологжанина Валерия Дементьева и при горячем участии поэта Александра Коваленкова успешно защитил в 1957 году диплом. Стихи, вошедшие в дипломную работу, с благословения поэта Сергея Городецкого появились сначала в коллективном сборнике, а позднее оформились в первую собственную книгу. С 1972 года жизнь Ю. М. Леднева была связана с Вологдой. Он автор многих книг стихов и прозы, нескольких пьес и более чем тридцати песен.

ДВЕ ТРОПКИ В УЗЕЛ ЗАВЯЗАЛИСЬ...

НАШ ДОМ

Наш дом стоит на косогоре
тремя окошками на юг,
весною — в радужном уборе,
зимой — серебряный от выюг.
И пусть у нас не много золота,
не густо снеси про запас,—
весь день с восхода до заката —
свет солнца в горнице у нас.
И видно счастье нам и горе,
и кто там недруг, кто нам друг.
Стоит наш дом на косогоре
тремя окошками на юг.

ОСЕНЬ

В природе — редкое смирение.
Сочатся частые дожди.

В избушках сварено варенье.
Галдят про выборы вожди.
Обманутые «бабьим летом»,
Проклюнулись круги маслят.
Но стали холодной рассветы,
И листья по ветру летят.
Легла на травы паутина.
Теперь недолго до зимы.
Четыре журавлиных клина
Сегодня проводили мы.

У РОДНИКА

У родника стояли двое.
К руке притронулась рука.
И стало донце золотое
У родника, у родника.
Над ними ивушка качались.

Им пели птицы в вышине.
Они впервые повстречались
наедине, наедине.
Они впервые целовались
у родниковой ворожбы.
Две тропки в узел завязались
и две судьбы, и две судьбы...

* * *

Колышутся заросли тихие,
Купаются в травах цветы.
И ходят тут лошади дикие,
и чешет им ветер хвосты.

А что же, а что же в них дикого?
Подков не прибито к ногам.
Да в поступи — тяга великая
к некошеным вольным лугам.

А где-то на выбитой площади,
где воздух бензиново-пьян,
тоскуют недикие лошади
по дальним бескрайним степям.

И дико им в ночи морозные
в конюшнях глухих взперти
И снится им: лошади звездные
по Млечному мчатся пути.

СОН НА ЗАРЕ

На заре мне приснился восставший
из мертвых боец
В серой шапке. И в валенках серых.
И в серой шинели.
Тот боец был убитый под Лодзью
мой бедный отец.
Я спросил у него: — Папа? Ты? Это ты?
Неужели...

Отвечал глуховато негромкий
простуженный бас:
— Вот и свиделись мы. Не пугайся,
сын, ради Бога.
Увольнение коротко... Срок истекает
сейчас.
Мне обратно туда... Невеселая это
дорога...
— Папа, милый... Зачем, почему оказался
ты тут?
Что тебя потревожило в дальнем краю
на рассвете?
— Я пришел посмотреть... посмотреть,
как живые живут...
как живые живут на оставленной нами
планете...
— Ну, и как? — Плохо, сын. Вновь война
наточила ножи.
— Мы ее не допустим... не пустим...
— Возможно, возможно...
Ты вот пишешь стихи. Ты, пожалуйста,
людям скажи:
на Земле надо жить... надо все-таки жить
осторожно...
Разменяли на медную ржавчину рек
серебро...
Порешили леса, что росли, хорошея,
от веку...
В человеке заложено рядом и зло, и добро.
И никто не придет, чтобы вынуть
худое ребро.
Переделывать надо себя самому
человеку...
Так скажи, не забудь... — Ты куда же?...
Я маму сейчас разбужу.
С ней ведь хочешь увидеться?...
Он поблудил как-то странно?
— Нет, не надо... Не надо, сынок...
Ей нельзя... Ухожу...
И ушел, прикрывая рукой огнестрельную
рану.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Перезагрузка души

Наше время — время перемен. Всё
изменяется вокруг нас. Переменился
общественно-социальный строй. Был со-
ветский, стал буржуйский. Изменилось
государственное устройство: было общена-
родное, стало олигархическое.

Произошли перемены и во внешней
жизни людей. Одним из условий, которые
поставили перед Горбачёвым его хозяева,
была легализация рок-музыки. Нельзя
сказать, что она была глухо запрещена.
Кто так говорит, он врёт. Но разумные
ограничения были. Теперь они сняты.
Чужие и враждебные русской, славянской
душе ритмы и мелодии (говорю условно,
иногда мелодия отсутствует) звучат безвоз-
бранно. Их исполнители прямо признают,
что в сочинениях их звучит бесовская,
сатанинская символика.

В музыковедении есть термин переин-
тонирование. Сейчас происходит массовая
попытка переинтонировать, переозвучить
русскую душу, воспитанную на других
ритмах и мелодиях, и предназначенных
для совсем иных целей, — на иной лад,
на лад рока. Одним из проявлений этого
переозвучивания стало онемение русско-
го народа. Народ в массе своей перестал
петь. Что будет дальше, нам ещё предстоит
узнать. Но русский рок — это такая же не-
лелесть, как оклахомская «Барыня» или
нигерийский «Гопак».

Давайте петь свои русские песни.
И поразительно, что государство под-
держивает рок. Врачи, специалисты
утверждают, что первая ступенька к упо-
треблению наркотика — это рок. Нарко-
тики — это, прежде всего, болезнь души,
духа. А рок собираются в школах вводить...
Общественные мировые силы, ведущие
борьбу со славянством (русским наро-
дом), не оставляют без внимания музыку.
Нынешние дети не знают русских гениев:
Глинку и Чайковского, Бородину и Рим-
ского-Корсакова, а их будут учить кто
такой Элвис Пресли, свихнувшийся нар-
коман и извращенец.

На «Радио России» в промежутках меж-
ду передачами включают музыкальную
паузу. И, чаще всего, я не подсчитывал, но
в основном звучит какая-то заграничная
дредбедень. Слова непонятны, музыка убо-
га, примитивна.

Вообще-то, без перевода понятно, о чём
поют в этих песнях. Послушайте совре-
менную эстраду, они копируют иностран-
ных исполнителей. Тексты так же убоги,
смысл один: я — тебя, ты — меня. Подраз-
умевается, люблю, любишь. И — всё.

Я не жил в Америке и не знаю, есть там
радио или нет. Но если есть, я уверен,
русских песен там не передают. А мы-то и
рады, и тянемся свою «цивилизованность»
показать. Слушайте, дети и взрослые не-
доумки, что за океаном дяди-американцы
сочинили.

А ведь насколько богата по содержанию
русская народная песня. Ей не уступает
песня советская.

Вся жизнь советского человека была
вспета в песнях. Были песни о Родине,
партии, вождях; с поразительными по кра-
соте мелодиями, песни о природе, о люб-
ви, песни армейские, спортивные, песни о
городах, песни детские, юношеские, — не-
обозримый песенный океан.

Современная эстрада барахтается в мел-
кой, мутной луже однообразных мелодий
и текстов, не подозревая, какие глубины,
какой простор живёт совсем рядом.
Впрочем, не только подозревают, но и
знают, иногда черпают из этого океана, но
приноравливают к своему понятию, лома-
ют ритм, меняют мелодию.

Нашествие рок-музыки, подобно наше-
ствию кочевников-гуннов, которые шли,
сметая на своём пути всё, не обращая
внимания на предшествующую культуру,
утверждая, во что бы то ни стало, свои
ценности.

...Доходит до безумия. Например, в Че-
реповце собираются поставить памятник
А. Башлачёву, поэту весьма посредствен-
ному, но причастному к року. Нет памят-
ников (и не предвидится) А. Романову,
В. Коротаяеву, поэтам истинным, русским.
Нет, в конце концов, памятника И. Се-
верянину, которого череповчане считают
своим.

Когда мы одумаемся, очнёмся? Когда
вернёмся к своим, русским, душевным,
человечным песням?

Кто мы: россияне
или русские?

Вначале небольшая зарисовка с натуры.
Сентябрь. Листопад. В прозрачном воздухе
разлита осенняя печаль. Кленовые листья

устилают золотым, багряным, лимонным
узором землю. Вспоминается бессмертное:

«Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье»...

Однако осенняя идиллия внезапно об-
рывается. По улице бежит человек, как пи-
шут осторожные журналисты, «кавказской
наружности», и кричит:

— Помогите, россиянина бьют!

Россиянин скрывается за углом дома,
его преследуют двое, лица у них наружно-
сти славянской. Проводив всех взглядом,
долговязый мужчина в бейсболке козырь-
ком на затылок замечает:

— Ишь, как припёрло, в русские запи-
сывается.

Никто, разумеется, не обратил внима-
ния на его слова, да многие из нас уже
свыклись и считают, что россиянин и рус-
ский — это одно и то же.

А это не так. Это два совершенно разных
понятия. Тут смешиваются гражданская
принадлежность и национальность. Когда-
то мы с гордостью говорили, я — советский
человек, и вслед за поэтом повторяли:

«Читайте, завидуйте.
Я — гражданин Советского Союза!»

Да, гражданство (по-старому поддан-
ство) у нас всех было одно — советское, а
национальности разные. Так было и за-
писано в паспорте гражданина СССР. На-
циональность: русский, украинец, латыш,
грузин и т. п.

Путаница в понятиях началась в де-
вяностые годы, когда рушилась могучая
социалистическая держава. Значит, «рос-
сиянину», как понятию, обозначающему
гражданство, немногим более двадцати
лет. Понятию «русский» — много столетий.

Подменяя два понятия, сливая их в
одно, преднамеренно создавая смысловую
путаницу, наши враги (а они есть и в самой
нашей стране) хотят лишить нас нашей
истории, имён наших великих людей: не-
даром не прекращается кампания по кле-
вете на период нашей советской истории,
нашей культуры, нашего языка. Как много
в нашем красивом певучем русским языке
появилось отвратительных американиз-
мов, похожих на собачий лай: трен, бренд,
дилер, киллер, мониторинг, дистрибьютор
(что-то, похожее на ворчание пса, грызу-
щего цепь)...

Путаница понятий, когда из наших
паспортов вычеркнули строчку — нацио-
нальность, — возникла не сама по себе. Это
сделали люди. В то время, которое сейчас
цинично называют «лихими девяносты-
ми». В годы, когда в Латвии на русских
клеветали, что они оккупанты, хотя рус-
ские живут там с XII века; когда русских
жгли заживо в Фергане и Оше, хотя рус-
ские превратили глинобитные кишлаки в
современные города; русских считали за
людей второго сорта в Грузии, хотя русские
спасли Грузию, когда на неё скалили зубы
два хищника: Турция и Иран. Не сумев
одолевать Советский Союз в открытой схват-
ке, враги наши разорвали Союз изнутри,
использовав национальный вопрос.

В словаре С. Ожегова написано: «росси-
янин то же, что русский». Что же, получа-
ется, все мои размышления насмарку? Но
здесь же стоит помета: «устар.», что значит
«устаревшее». Оно обозначает националь-
ность. Великому филологу и в голову не
могло прийти, пригрезиться в обморочном
сне, что Советского Союза не будет, и сло-
во «россиянин» приобретёт иной, новый
смысл.

Так кто же мы?

По государственной принадлежности
мы — граждане России, россияне, а по на-
циональности — русские.

Слово «россиянин» в нынешней исто-
рической обстановке действует против
нас — русских. Любого негодая, прохо-
димца, бандита на Западе рждят русским.
Давно ли там неистовствовала кампания:
«Русские идут». Так журналисты окрести-
ли шайки уголовников, среди которых не
было русских, а были сплошь россияне,
вроде того, с которого начинается эта за-
метка.

Нашу Государственную Думу не совсем
умные люди любят именовать россий-
ским парламентом. Parliament — дословно
переводится как «говорильня». Так вот,
чтобы Дума была именно Думой, а не го-
ворильней, вологодским думцам следует
поставить вопрос о возвращении в наши
паспорта графы: национальность.

Но найдутся ли такие национально
мыслящие, смелые русские люди?

Роберт БАЛАКШИН,
лауреат Государственной премии
Вологодской области по литературе

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЛУЧШИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ РОССИИ «НАШ СОВРЕМЕННОК» — НА 2015 ГОД!

Адрес газеты: www.literator35.bl.ee

Адрес электронной почты: ioann-7772006@yandex.ru

Издание подготовлено к печати при финансовой
поддержке депутата ГД РФ В. Е. Позгалева.

Главный редактор А. А. Цыганов.

Редакционная коллегия: С. П. Багров, В. Н. Бара-
ков, Г. А. Сазонов, М. И. Карачев, О. И. Ларионов,
Ю. М. Максин, О. А. Фокина.

Редакция в переписку с авторами не вступает, рукописи не
рецензирует и не возвращает, а также не имеет возможности
выплачивать вознаграждение за опубликованные материалы.

Тираж издания 500 экз. Цена свободная.

Издание Вологодского регионального отделения
общероссийской общественной организации «Союз
писателей России».

Адрес: 160000, г. Вологда, ул. Герцена, 36.

Номер сверстан и отпечатан в ООО ПФ «Полиграф-
Периодика». 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Зак. 1755. Подписан в печать по графику: в 12.00,
фактически — 9.12.2014 г. в 12.00. Выход в свет —
11.12.2014 г.